

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Скопинцева Т.Ю.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В оценке современной культуры ключевая роль принадлежит анализу состояния версий и вариантов её развития. На протяжении длительного времени инструменты для этого заимствовались из западного арсенала. Результат изменения на такой основе не всегда адекватно соотносился с задачами, поставленными современными модераторами российской культуры – экономистами, политиками, государственными чиновниками. След культурных модернизаций по западному типу оставался в истории культуры России в формах культурных *травм и разрывов* живой ткани культуры. Задача соединения исторической плоти, *культурная штопка* таких разрывов решалась и решается в повседневности, в подвигах и стоической практике выживания обычного человека. Жизнь обывателя в таких условиях постоянно наполнена возбуждающими тревогу ожиданиями.

Россия как субъект культуры вызывающий сегодня алармистские ожидания имеет историческую природу. Механизмы, на основе которых складывалась культура, и происходили изменения, складывалась на протяжении трагической и прекрасной русской истории. Основания российских исторических перемен коренятся в глубинных, архетипических механизмах, на которых строилось русское, а затем, российское государство. Ключ к современной российской культуре для нас скрыт в метафорах («Святая Русь», «Русский мир»), в диалогах с прошлым, в проступающих через века, ценностных основаниях русского этатизма, социальной направленности (коммюнитарности) русской культуры и особой формы социальной мобильности (обеспечивающей выживание, что скорее свойственно родовым общинным культурам). При этом все внутренние векторы движения замыкаются на определенные социокультурные микро и макросистемы – на семью, мир людей или на космопланетарное начало человечества. Такая форма культуры была свойственна и Руси архаического и московского типа, она и сегодня сохраняется в повседневности русского типа.

Советский и постсоветский тип социальности и культурности устойчив в форме современных обыденных практик. Символически, повседневную культуру можно представить как подводную часть «айсберга» бытия где – надводная, видимая его часть – это государственная, экономическая и политическая культуры, а подводная – все практики повседневности. Они обеспечивают выживаемость политических и экономических модераций (то, что не принято в повседневности, не сохраняется в истории). Российская повседневность – «теплая человеческая возня», большей своей частью находится за границами политических и экономических культурных сотрясений. Её жизнеобеспеченность хранит ту русскую специфику, которая демонстрирует нашим западным соседям «загадки русской души». В

повседневной культуре формируется устойчивость социокультурных форм. Необходимый для их выживания субстрат [1], ядерный компонент повседневности, отделяет от нововведений те элементы, которые имеют отношения к русскому архетипу, и адаптирует новации к специфике русского (российского) бытия. В современном процессе оформления и сохранения повседневных механизмов важная роль принадлежит формам и принципам соединения повседневных практик с массовой культурой – процессу *омассовления* повседневности. При этом происходит и *омассовление* элит, и появление нового типа элитарной культуры. Исследование этих процессов и вызывающих их механизмов – важная и малоизученная часть современной гуманитарной культуры. Методология такого анализа – в теоретическом подходе Н.Н. Козловой и исследованиях Н.М. Смирновой. «Уникальный методологический синтез социокультурной герменевтики, биографического нарратива и case-studies, дополненной социолингвистическим анализом языка повседневности – наивного письма» – так можно определить научный метод Н.Н. Козловой [2]. Её анализ социальных практик раскрывает исследователю микротеорию повседневности. В мягком, плюралистичном герменевтическом подходе Н.Н. Козловой производится раскодирование текста повседневности – разъяснение каждого единичного факта и смысла повседневного действия в его *массовой* интерпретации. Для глубинного постижения современной российской повседневности принципы Н.Н. Козловой можно дополнить антропологическим анализом традиционных (фольклорных) форм русской культуры С.Б. Адоньевой. Постижение внутренних механизмов современной русской культуры поможет совершенствовать культурологическую экспертизу, улучшит работу по модернизации российской культуры. Для этого в учебной и научной практике необходимы современные формы исследования традиционной культуры русских сел, создание лабораторий традиционной культуры, фонотек и видеотек традиционной устной истории народа. В рамках таких учебных и научных социокультурных институций должна проводиться постоянная, экспедиционная, поисковая работа по сбору традиционного материала и его последующий анализ, а также культурологическая экспертиза. Такой анализ является наиболее полной и наиболее достоверной оценкой современной культуры России, и реального самочувствия жителя русской глубинки, современного российского села и малого города.

Анализ повседневности показывает невидимую на официальном уровне ткань жизни народной культуры и неучтенные в современных социальных и экономических проектах глубинные пласты народной жизни. Органика *омассовленной* повседневности наполняет жизнь *обычных* людей. Функционирование живого хаоса пред-культуры, обеспечивает пред понимание современной *элиты*, специфику её действия, служит формированию причудливого и сложного образа современной России. Спонтанность политического и экономического теоретизирования элиты в таком аспекте выглядит полной противоположностью запросам повседневности, (не учитывает дыхания её *живой плоти*). Неучет самочувствия человека существующего на уровне глубинных пластов культуры сегодня становится

фактором обеспечивающим неэффективность внутренней государственной политики, традиционно ориентированной за пределы повседневных практик. С другой стороны, *омассовленная* элита (получившая западного типа образование и заряженная западными формами и механизмами модернизации современной России) в своих обыденных действиях опирается на конструкции традиционного повседневного мышления. Жизнь обывателя («листьяев травы») организует *омассовленная* элита, гибрид соединяющий: с одной стороны рациональность западного типа, с другой традиционность мышления. Это порождает необоснованные риски и срывы в программах модернизации. Такой тип социального действия устойчиво воспроизводит механизм поступков героя русской сказки. Движение и развитие русской сказки – за пределами сказочной повседневности, своего мира. Это не предполагает выполнение принятых в *своем* мире жестких правил поведения [3], но предполагает необходимую в острых конфликтах и формах столкновения с иными мирами и их представителями способность героя рисковать. Это стало сущностной характеристикой Ивана-царевича или Ивана-дурака, и сохранено в действиях современного модератора, экономиста или политика. Экономические перемены в стране, как правило, противостоят повседневности, предполагают риск, имеют непредсказуемый результат и требуют «волшебного» помощника для преодоления вызванных ими последствий. В таких условиях содержание повседневных практик обеспечивает традиционные принципы выживания культуры, соединяет несоединимое. Это битвы за сохранение страны с одной стороны – что развивает необходимый для этого этатизм; с другой стороны это обыденные механизмы выживания в супер-сложных условиях постоянного форс-мажора порожденного действиями элит: *окрестьянивание* горожанина или приобщение крестьянина к необходимым для его выживания городским практикам.

Устойчивость повседневных механизмов обеспечена сохранением самобытности культуры русского типа, её специфических форм жизнеобеспечения. Чем сложнее перемены, тем в большей степени «цветущая сложность» наполненной традиционной метафизикой культуры «упрощается» и постоянно требует пополнения новой мифологией, неоархаикой, симулякрами. Сформированная на новой основе повседневность утрачивает некоторые механизмы жизнеобеспеченности. Такая подорванная и не имеющая достаточного времени для своего восстановления повседневность – это *исход* культуры [4]. Эту ситуацию мы видим в вариантах исторической трансформации Польши и Украины. Когда последует реконструкция этих форм (восстановление, или полный уход от традиционного основания), и как скоро это произойдет можно только догадываться.

Непрерывность повседневной культуры (её гармонизирующие механизмы восстанавливающие ткань бытия) сохраняется при существенных утратах ключевых жизнеобеспеченных компонентов. В российской истории разрушенную ткань русской культуры была восстановлены народами Крыма ориентированными на русский архетип: коллективность, взаимовыручку и поддержку, а также социальную направленность государственной политики.

Культурный вызов со стороны Крыма дал мощный толчок для духовного подъема и восстановления исторических духовных ориентиров русской культуры. Дальнейшие культурные практики требуют научного осмысления, работы с культурной формой русского и российского типа. Знание механизмов своей культуры, инструментов которые обеспечивают её выживание, позволит профессионально проводить работу по совершенствованию российской культуры.

В новых условиях содержание гуманитарного образования включать не только материал по социокультурной коммуникации в мировой и российской истории, но и глубокие знания и по истории русской и российской культуры [5]. Образы и смыслы русской культуры являются базой формирования принципов власти, систем социальной организации, современных структур управления. Её изучение – ключ к пониманию сложного мира современной России.

Культура Оренбургского региона является уникальной площадкой для исследования русской культурной традиции. При этом в отличие от состояния народных этнокультурных форм в республиках бывшего Союза, можно отметить неформальность существования русской культуры в культурном пространстве России. Городские народные праздники в Оренбурге не расцвечены красками русских традиций, на этой основе не рождаются формы массовой культуры (русская традиционная музыка не звучит на молодежных дискотеках, радиoproграммы не в должной степени используют русские, традиционные формы музыкальной культуры, на их основе выстраиваются программы масс-медиа культуры). Знание традиционных форм русской культуры в школах и вузах сведено к штампам, учитель в Оренбургской русскоязычной школе часто не имеет четкого представления о традициях русского народа, тогда как глубокие знания о культуре коренного народа России можно постоянно пополнять в русских селах Оренбуржья.

Особенность оренбургской сельской культуры в уникальном соединении русских традиций разных регионов России не только в пределах оренбургского региона, но и в рамках каждого отдельного села. Сёла, в которых и сегодня проживают потомки тех, кто когда-то осваивал оренбургские земли, еще хранят традиции первых переселенцев. Уникальность русского пограничья, представленного в них, показывает как жила русская традиционная культура и как она менялась. Тамбовские, рязанские, курские, пензенские крестьяне хранят колорит, краски и звуки уже ушедшей из жизни народной традиции. Специфика оренбургских поселений, пограничная специфика Оренбуржья предполагает соединение казачьей и крестьянской традиций. В особой организации сельских поселений переселенцы из южных губерний России, русские, малороссы, иные этнические группы соединяются в рамках одного села. Они и сегодня хранят локальные традиции того региона (как правило, южнорусского) из которого когда-то на оренбургскую землю приехали их предки. Сохранение современного государства, это сохранение культуры его народов. Русская культура должна стать обязательным предметом сохранения и глубокого изучения в высших учебных учреждениях региона.

Происходит седиментация смыслов.

В мире традиционной культуры правила поведения предписывают соблюдение всех норм предписанных традицией, в иных мирах и царствах культурный герой правила может нарушать. В русской мифологии показаны такие действия сказочного героя. Он берет и коня и уздечку (а его предупредили что уздечку брать не надо); жар-птицу и клетку(а про клетку было сказано тоже самое). В результате герой попадает в непредвиденные ситуации и с трудом, с помощью волшебных помощников выбирается из неё. Нарушение предписанных правил в своем мире наказуемо – в иных мирах и царствах это норма. Современный модератор, представитель политической, экономической или судебной элиты поступает именно так – нарушение повседневных правил и норм и сопутствующий этому риск – это его практика.

Формирование западной культуры американского (атлантического) типа было временем создания цветущей сложности на основе субъектности «новых американцев»; современная Европа заряжена мощными механизмами деструкции, т.к. народы с «новой кровью» не ориентированы на построение своего «европейского» мира, а у народов «старой Европы» сил для этого недостаточно.

Все базовые элементы российской культуры рождены на базе культурных форм рожденных в московский период русской истории, все элементы российской культуры оформлялись на основе православной традиции (на элм основании складывались все формы художественной культуры: музыка, литература, архитектура, живопись; система властных отношений; государственная организация, т.п.)

Список литературы:

1. Козлова, Н. Н. «Я так хочу назвать кино», «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения / Н.Н. Козлова, И. И. Сандомирская // Коллаж.- М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. – С. 94-107.

2. Смирнова Н.М. От исследования массового сознания к методу биографического нарратива: опыт реконструкции творческой биографии и исследовательской программы Н.Н Козловой/ Н.М. Смирнова // Вестник государственного гуманитарного университета. М., Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета - с. 9-17. - URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>

3. Смирнова, Н. М. От социальной Метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). / Н. М. Смирнова - М.: ИФ РАН, 1997.- 222 с. - ISBN 5-201-01932-3.

